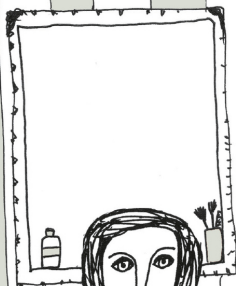

Л е р а М а н о в и ч

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

16+

СТИХИ для МОСКВЫ

Лера Манович
Стихи для Москвы
Серия «Поэтическая серия
«Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316118

*Стихи для Москвы:
ISBN 978-5-91627-211-6*

Аннотация

Лера Манович – поэт, прозаик, магистр математики. Родилась в Воронеже. Стихи и проза опубликованы в журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый Берег», «Октябрь», «Урал» и т. д. Стихи переведены на немецкий и польский.

Как проза становится стихами – загадка, ответ на которую знают немногие. Лера – знает.

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
«Счастье...»	8
«Это с птицей прощается ветер...»	9
ТОЛСТОЙ	10
ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА	12
«Вздыхал натруженный причал...»	14
САМОЛЁТ	15
ЭЛЕКТРИЧКА	16
ПЬЯНЬ	17
ПОМИНКИ	18
ОСЕНЬ	19
SOUNDRAMA	20
ОСЕНЬ В КУСКОВО	21
НЕ ПРОПАДАЙ	23
VENTSPILS	24
«Что там, на горизонте так сияет...»	26
О ГЛАВНОМ	27
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	29
ПОСЛЕДНЕЕ	29
ПАРИКМАХЕРШИ	31
ПАСЕЧНИК	33
КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ КУСТО	35

НИЩИЕ	36
РОЯЛЬ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лера Манович

Стихи для Москвы

Предисловие

В наше время книга стихов – сувенир, затейливая вещица, амулет, сродни куску папируса или цилиндрической печати, вещь, по сути бесполезная. Пожалуй, к этой восхитительной бесполезности испытываешь своего рода уважение. Не то дело проза, для прозы всегда сохраняется надежда на открытие истин, разрушение вековых запретов, на то, что сыщется собственный читатель, оценит, расхвалит, и всё завертится. А поэтическая книга, что там, Господи, может найтись? У всех хороших поэтических книг читатель, примерно, один и тот же, и тираж примерно одинаковый. И написаны они все об одном, полагаю, о том единственном, о чём пишутся настоящие стихи.

Поэзия Леры Манович мне бесконечно дорога, немало стоит эта её выстраданная, сбивчивая речь, многострадальная и стыдливая, исполненная слабости, но способная ослепить, как вспышка магия – ослепить на мгновение, чтобы запечатлеть тебя навечно. Тут всё созвучно мне, словно нашептанное автором вселилось в мои сны, и время тут вытекает, словно рис из порванного мешка, и детство возвраща-

ется, становясь навязчивым, необычайно холодным и горьким, но оттого не менее дорогим, и на натянутых проводах прошлого непрерывно лают псы вечного сожаления.

Ты веришь этому сразу, ведь и ты тоже – человек, родившийся от железной змеи, и на твоих чемоданах соль, и тебе уже не двадцать, и, страшно сказать, не тридцать, и обоняние твоё обострилось настолько, что рассада у тебя пахнет кладбищем, и внутри тебя самого – изначальная глина творения. Веришь, когда закрашивая седину, ты стремишься потерять часть возраста, а теряешь лишь часть памяти, и слышишь навязчивый голос, повторяющий «следующая станция, следующая станция».

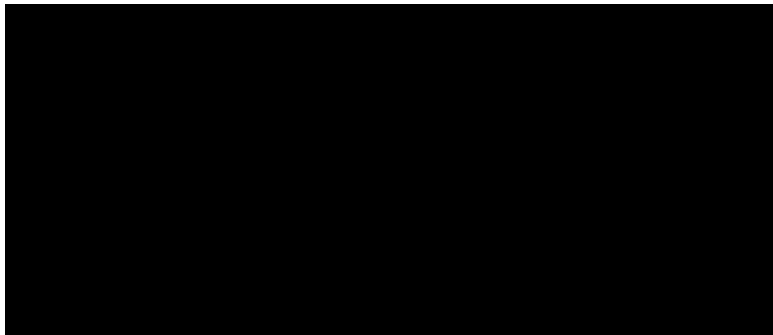
Ты веришь этому сразу, потому что, чёрт возьми, это изумительно честно, честно до неправдоподобия, а поймай ты хоть одно лукавство, одно украшательство, одну пошлинку, ты с такой непередаваемой лёгкостью швырнул бы эти тексты оземь и объявил бы – «плохими стихами», а ведь не можешь. Не можешь, и наблюдаешь с растерянностью и трепетом это движение девочки за счастьем, до последней страницы, не отрываясь, поскольку принимаешь этот срез чужой жизни – такой чистой и трепетной, такой чувственной и хрупкой, и такой исключительно трогательной.

И мир этот опознаваем, как христианский, но выдержанный в элементах изначального гностического Египта, когда ад это недосказанность, и состоит он из нерождённых текстов, ставших элементами Хаоса, а сам ты – Творец этого

мира, и, попутно, его единственный обитатель, маленький ребёнок, стоящий на трамвайной остановке, с линией Жизни, начертанной на ладони – раз и навсегда.

Прочтите эту книгу и сохраните её, если и остались в наше время настоящие амулеты, то это, наверное, лучший из всех.

Амирам Григоров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Счастье...»

Счастье
играет со мной в дженгу
каждый день
вынимаю из него день
ожидая
что все рухнет

«Это с птицей прощается ветер...»

Это с птицей прощается ветер
и крылом к подоконнику льнет,
это наши прозрачные дети
тянут руки из синих болот.

Это слово распалось на слоги,
первоцвет заблудился в весне,
это дремлет в приюте безногий
спотыкается в радостном сне.

Это рыба на сушу выходит,
задыхаясь на трудном пути,
это что-то проходит-проходит
и никак не умеет пройти.

ТОЛСТОЙ

Во сне

напялила цветные колготки.

Ноги были длинные и толстые

как трубы парохода,

как те деревья в Ясной Поляне,

куда нас привезли на пыльном автобусе,

и один маленький мальчик плакал и кричал,

что не хочет смотреть,

как жил великий писатель.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Моя первая учительница
Шалтай Болтай
Александра Васильевна
живет в синей папке с завязками
у нее есть только
черно-белый портрет
лицо в овале
окруженная
детскими овалами
она выглядит гордо
как королева-матка
в муравейнике школы

Спите спокойно
Александра Васильевна
нету у нас больше
ни спичек
ни сигарет
ни поцелуев под лестницей
мы вымерли
так и не вылупившись из яйца
захлебнулись в проявителе
нам не хватило вашего тепла
вашего света
и теперь мы

глянцевы и покорны.

«Вздыхал натруженный причал...»

Вздыхал натруженный причал
пустотами вбирая влагу,
и ты на станции встречал
с цветком завернутым в бумагу

На новой плоскости земли
почуяв новые тропинки
нас по булыжнику вели
невозмутимые ботинки

И город с площадью пустой
кустом топорщился у входа,
и в номер чистый и простой
звала усталая природа.

САМОЛЁТ

Всё медленно
невыносимо медленно
будто ты в самолете
идешь вслед
за тележкой с напитками,
глядя на номера рядов,
на шею бортпроводницы
со свежим укусом.

Рыба или мясо?
Они каждый раз
спрашивают об этом,
пока ты в воздухе
давай поиграем в эту игру на земле.

Я устала от мяса животных,
от птиц и рыб,
от людей снаружи
и внутри.

Приятно знать,
что спасательный жилет
под моим креслом.

ЭЛЕКТРИЧКА

Деревья и заборы пролетали
и деревень кладбищенские виды,
когда везла тебе из серых далей
окрепшую на воздухе обиду

в вагоне пахло пеплом и грибами,
старик никак не мог найти билета
и всё ровнял дрожащими руками
набухшую от осени газету

все электрички шли по расписанию,
и стрелочник в каморке привокзальной,
теряя смысл твердил, чтобы позвали
какую-то неведомую Таню

луна на всё светила бесполезно
и поводя сухим янтарным веком,
следила, как нутро змеи железной
исторгнет на платформу человека.

ПЬЯНЬ

Ты хотел мальчика
но у меня в животе
были только американские горки

ночь несла нас
как сломанная карусель
деревья сливались
птицы сливались

ты хотел темноты
но фонари крепко держали моё лицо
в своих желтых щупальцах

ночь кудахтала
и хлопала крыльями
пока утро не свернуло ей шею.

ПОМИНКИ

Дней убывающих холодное свечение
у кухонной плиты хозяйки силуэт
и кофе-чай, и в вазочке печенье
а человека нет.

ОСЕНЬ

Стояли и курили, ждали чуда
но осень желтый выдала билет
покоя нет, и счастья тоже нет
мне б просто унести себя отсюда

троллейбус полз по мокрой мостовой
и шевелил ленивыми рогами
чужие угощали пирогами
своим хватало просто, что живой

любовь текла в израненном стволе
томила в хирургических отходах
свистела в легких мертвых пароходов
и окликала лезвием в спине

в надломе поднебесной тетивы
тугую книгу мальчик раскрывает
и снова упоительно читает
мол, жили-были кто-то
но не мы.

SOUNDRAAMA

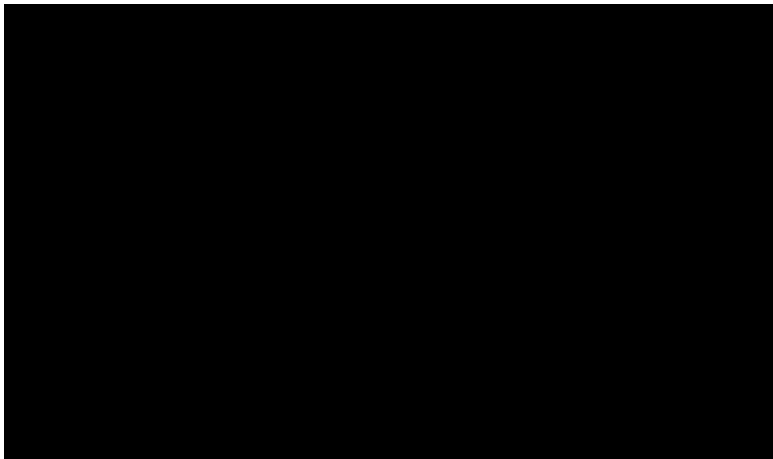
Мама говорит,
что Москва – злой город.
Что Питер на костях,
а Москва еще хуже.
Она души забирает.
Но это же полная ерунда.

Просто человек
с годами портится.
И чем лучше он живет,
тем сильнее портится.
А в Москве люди хорошо живут.
И от этого говнистее становятся.

А душу мужики забирают, а не Москва.
Любить надо осторожно, как по болоту идешь.
А я, когда сюда приехала, совсем дура была.
Мне, вообще, почти все нравились.
Мне и сейчас почти все нравятся.
Только я им уже нет.

ОСЕНЬ В КУСКОВО

Все что-то консервируют
и маринуют
а мне что
моя зима сытнее лета
пойду в лес
выразить соболезнования деревьям
куплю шашлык
у старика в черном
и буду смотреть
как таджикские дети
носятся на самокатах
по усадьбе графа Шереметьева
так ему и надо
нельзя жениться на крепостных
глупый глупый
старик Жемчугов.

НЕ ПРОПАДАЙ

Не пропадай. В какой унылый край
Земная ось качнула это лето?
И почему-то женщин очень жаль,
Когда их сумочки подобраны по цвету

К плащу. Печален неба свод,
И листья каждой жилкой кровоточат
И всё желтеет, тлеет и гниет,
Но сдаться увяданию не хочет.

Ты плачешь оттого, что ты живой,
А всё прошло. Пчелою пролетело.
Так плачет дерево под медленной пилой,
Цилиндрами своё теряя тело,

Так плачет мать, кроватку теребя,
Невыбранное имя повторяя,
И я как никогда люблю тебя,
И я как никогда тебя теряю.

VENTSPILS

Сегодня никто не купит
цветы на рыночной площади
старуха в большой шапке
уйдет печальная
квадратные часы
замрут от удивления
баянист на Katrinasiela
не поднимет глаз

слишком рано для прощания
зачем мы покидаем Вентспилс?

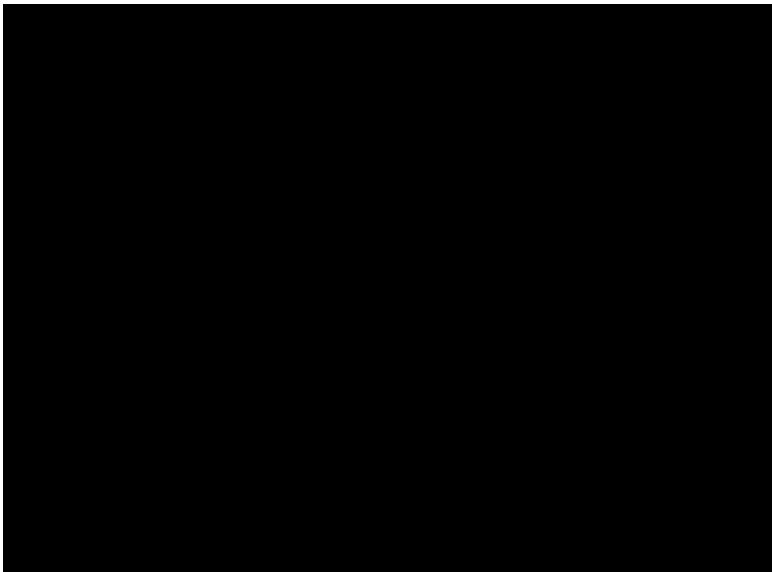
простреленная голова фонтана
смотрит с укоризной
цветные спины коров
остывают на ветру
никто не погладит
траурные бока сухогруза
с белым клеймом

мы покидаем Вентспилс

руки женщины
взбивают в мансарде подушку
и она забывает твой затылок

ночной шепот
повис между рамами

город ускользает
из рук
как мелкая рыба
и соль остается на чемоданах.

«Что там, на горизонте так сияет...»

Что там, на горизонте так сияет
Осколки звезд? Разбитого стекла?
А батюшка венчает, отпевает
С одним и тем же выражением лица.

Ведь жизнь проста. И смерть опять проста.
Все сложности лишь только в различеньи
Небесного и местного свечения.
Не замирай. Учись читать с листа.

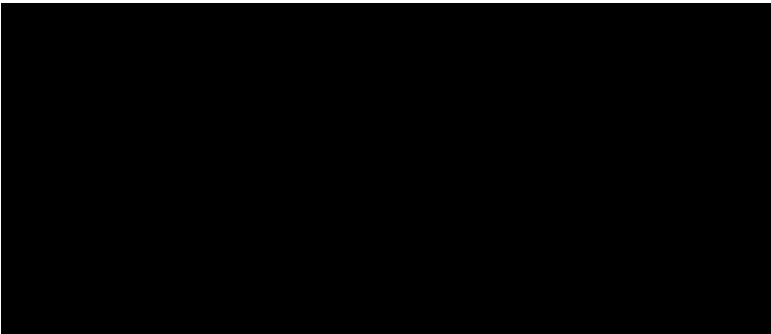
О ГЛАВНОМ

Когда меж огородов дач и вилл
бродило лето бедрами качая,
тебя любила я, и ты любил,
и шевелились лодки на причале

И темный колебался водоем,
и ласточки так низко гнезда вили,
мы шли на нерест – люди нас палили
как двух блядей под красным фонарем

Любимый, дерни, выдави стекло
к чему нам пасторальные картины,
гарпун держать ровней поможет спину,
согреет пульс электроволокно

пока на кафедре физических наук
какая-нибудь Белла или Ада
не зафиксирует реакцию распада
стучи хвостом, мой серебристый друг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ РИФМОВАННОЕ

Из контурной карты изъята
мелеет река,
теперь межоконная вата
несет рыбака

Земли материнской отрада
ограды столбы,
и серое небо над садом
валит из трубы

Не нужен нам греческий ладан
и берег другой,
могилою пахнет рассада
гараж голубой.

ПАРИКМАХЕРШИ

Парикмахерши
держат в руках чужие головы
грустные потомки Далилы
они похожи на усталых актрис
Женщина на соседнем кресле
просит сделать с ней что-нибудь веселое
у нее красноватый кончик носа
и рот, опущенный вниз,
она похожа на цветок
который растоптали
Ей делают светлые, легкие кудри
теперь она похожа на девочку
которой пересадили лицо
Таджичка
сметая волосы
говорит по телефону
на тревожном языке
«Как же ты говоришь
«люблю тебя»
а сердце твое не со мною?»
говорит она
«Ты трижды обманул меня
и не сказал мне» – говорит она
и выбрасывает
волосы в корзину

Парикмахерши с лицами старух
и фигурами школьниц
курят у входа
пока перекись водорода
заставляет волосы
забыть свой цвет
забыть прошлое
Здравствуйте, парикмахерши
я принесла вам
свою голову
я сажусь перед зеркалом
и сила уходит из меня

Харон смазал уключины и ждет

ПАСЕЧНИК

Моя приятельница
вышла замуж за сына
испанского пасечника

я видела фотографии
старики всего мира
одеваются как братья
предпочитая коричневое и синее
они похожи как пчелы

у старости свой почерк
молодость просто ставит крестик
главные достопримечательности —
кладбище церковь мясокомбинат
та же пластиковая мебель
во дворе, увитом виноградом
паэлья — это желтый рис
мать жениха — бывшая женщина

моя приятельница —
невестка испанского пасечника
сорок километров до моря
шестьсот метров до кладбища
он кадит дымом
как священник

и улыбается
как чокнутый.

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ КУСТО

Мой отец ушел от матери
потом ушел от женщины
к которой ушел от матери
и от женщины
к которой ушел от женщины
к которой ушел от матери.
Теперь он прописан
на улице Жака Ива Кусто
в Новой Усмани.
Деревенские грамотеи
не понимают в склонениях
они написали в его паспорте
улица Жака Ив Кусто.
Отец расстраивается
из-за этой ошибки
из-за всех ошибок
он ушел бы снова
но идти больше некуда
мой грустный отец
с улицы Жака Ив.

НИЩИЕ

Идешь тайно
а они стоят
всё видят
с банками и стаканчиками
с костылями и обмотками
с вечным «спраздником» во рту
Господи
убереги меня от нищих
пусть отступят
им и так хорошо
у них Бог воскресает
каждую неделю
а у меня только раз
не хочу давать им бумажные
пусть гроыхают
железом моей скупости
пусть идут
пока не получили
камень
ножницы
бумагу
я боюсь их сильнее
чем тебя
у них нахальные улыбки
и след от капучино

в стаканчике для подаяния
приди и уведи их
как псов от калитки
дай мне войти.

РОЯЛЬ

Любимый
купи мне рояль
я видела его
в витрине за стеклом
он стоял на вершине
белоснежного торта
маленький рояль
из черного шоколада

Так устала, что музыка
уже не звучит во мне

Дома я заварю чай
и откушу ему ножки
одну за другой
черно-белые клавиши
застынут на моей губе
треугольную крышку
я буду долго гонять за щекой

Я заем эту ненужную
эту лицемерную красоту
краковской колбасой
и желтым сыром
и лягу рядом с тобой

Ты еще любишь меня?

Тогда купи мне рояль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.